

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-508-527>

Информационная статья

Техника и практика международного нормотворчества: обзор материалов Международной конференции ESIL

А.Х. Абашидзе¹, Е.Е. Гуляева², Е.Н. Трикоз^{1,3}

¹Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

²Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

³Московский государственный институт международных отношений (Университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация
abashidze.rudn@gmail.com

Аннотация. Представлены основные тенденции нормотворческой практики в сфере международного права, которые были обобщены на основе экспертных докладов, сообщений и тезисов в рамках конференции Европейского общества международного права (ESIL) осенью 2021 г. Авторы статьи сами являются членами ESIL, и представляли ранее доклады на его площадках. В настоящем обзоре ими проанализированы материалы тематических семинаров «рабочих групп», больших «агоров» и проблемных «форумов» Конференции. В дебатах были затронуты вопросы воздействия цифровой революции на форму и содержание международного правотворчества, обсуждался наплыв в этой сфере неформальных норм и стандартов, поддержание целостности национальных систем и рациональности «мягкого права», распространение так называемых «экспертных кодификаций», обеспечение гармонизации внутригосударственной законности и правотворчества негосударственных субъектов, учет корпоративных и гражданско-общественных интересов в правотворческом процессе, международных переговорах и практике государств, востребованность междисциплинарных парадигм, подходов и методов в ситуации коллизий правовых режимов и формирования «живого права». Авторы обзора формулируют вывод, что современное международное право подвергается существенной «цифровой перекалибровке» и развивается на основе новых технологий от гиперформализма к гиперфактуализму.

Ключевые слова: международное право, нормотворчество, мягкое право, кодификация, международные договор, практика государств, акторы, экспертное сообщество, международные организации

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 10 декабря 2021 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2022 г.

Для цитирования:

Абашидзе А.Х., Гуляева Е.Е., Трикоз Е.Н. Техника и практика международного нормотворчества: обзор материалов Международной конференции ESIL // *RUDN Journal of Law*. 2022. Т. 26. № 2. С. 508—527. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-508-527>

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-508-527>

Informational Article

Technique and practice of international rule-making: review of the materials of the ESIL International conference

Aslan Kh. Abashidze¹ , Elena E. Gulyaeva² , Elena N. Trikoz^{1,3}

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), *Moscow, Russian Federation*

²Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, *Moscow, Russian Federation*

³Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, *Moscow, Russian Federation*

 abashidze.rudn@gmail.com

Abstract. The article presents the main trends in rule-making practice in the field of international law, which were summarized on the basis of expert reports and abstracts at the Conference of the European Society of International Law (ESIL) in autumn of 2021. The authors of the article are ESIL members and have previously made reports at its forums. In this review, they analyzed the materials of thematic seminars of “working groups”, “agoras” and “forums” of the Conference. The debates touched upon the impact of the digital revolution on the form and content of international lawmaking, discussed the influx of informal norms and standards in this area, maintaining the integrity of national systems and rationality of “soft law”, spread of the so-called “expert codifications”, ensuring the harmonization of domestic legality and lawmaking of non-state actors, taking into account corporate and civil-public interests in the law-making process, international negotiations and practice of states, demand for interdisciplinary paradigms, approaches and methods in situations of collisions of legal regimes and formation of “living law”. The authors of the review conclude that modern international law is undergoing significant “digital recalibration” and is developing on the basis of new technologies from hyperformalism to hyperfactualism.

Key words: international law, rule-making, soft law, codification, international treaty, practice of states, actors, expert community, international organizations

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article received 10th December 2021

Article accepted 15th April 2022

For citation:

Abashidze, A.Kh., Gulyaeva, E.E., Trikoz, E.N. (2022) Technique and practice of international rule-making: review of the materials of the ESIL International conference. *RUDN Journal of Law*. 26 (2), 508—527. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2022-26-2-508-527>

8—11 сентября 2021 г. в Стокгольме (Швеция) состоялась ежегодная международная конференция «Европейского общества международного права» (*European Society of International Law*; далее — ESIL), которая была посвящена актуальной проблематике международной юридической техники и практике международного нормотворчества, на тему «*Changes in International Lawmaking: Actors, Processes, Impact*»¹.

Свыше 500 участников со всего мира собрались для широкой дискуссии в смешанном формате, из них более 200 докладчиков и слушателей очно присутствовали на территории Стокгольмского университета, а остальные следили за конференцией на цифровой платформе (COVID-19 ограничения). Авторитетный международный форум лично приветствовала шведская кронпринцесса Виктория, которая подчеркнула новаторские усилия ее страны в сфере международного права, в том числе проведение Стокгольмской конференции по окружающей среде 1972 г. и принятие Стокгольмской декларации.

В день официального открытия Конференции состоялось пленарное заседание с ключевой дискуссией по теме «Политика глобального правотворчества», в которой приняли участие директор Института международного права и прав человека Университета Хельсинки, профессор Мартти Антеро Коскенниemi и главный редактор Европейского журнала международного права, профессор Университета Кембриджа Сара М. Нувен. Рассматривались последние социально-экономические, идеологические и политические тенденции, вызвавшие изменения в правотворческом процессе, круге его субъектов, ряд из которых теряют свою силу, последствия явного или скрытого делегирования государством нормотворческих полномочий негосударственным акторам, влияние частных интересов, амбиций и полномочий на составление типовых международных договоров и/или стандартов в сфере налогообложения, здравоохранения, бухгалтерского учета и проч. По мнению двух авторитетных дискуссионщиков, неопределенность юридического языка и различные юридические идиомы уже не раз приводили злоупотребляющих этим свойством права к тоталитаризму и даже фашизму. Это хорошо отражает метафорический образ международного права как некоего «бриколлажа», демонстрируя который на своих слайдах Нувен задается вопросом, все ли мы «бриколлеры», смешанное общество разнорабочих и женщин, объединяющие международное право с другими категориями и идиомами. Коскенниemi подчеркнул, что хорошие юристы умело адаптируют свой формализованный язык и профильный подход к своей аудитории. Рекламирая свою недавнюю книгу², авторитетный правовед-международник отметил, что

¹ The 16th Annual Conference of the European Society of International Law. Режим доступа: <https://esil2021.se/> (дата обращения: 03.12.2021).

² Martti Koskenniemi. *To the Uttermost Parts of the Earth. Legal Imagination and International Power 1300—1870*. Cambridge University Press, 2021. <https://doi.org/10.1017/9781139019774>

необходимо смело пересекать общепринятые границы между историей права, политической мыслью, международными отношениями и собственно международным правом, развивая открытый, неформальный и междисциплинарный подход к межгосударственному нормотворчеству.

За день до открытия Конференции состоялись заседания специализированных «рабочих групп» ESIL на площадках тематических семинаров (*workshops*)³.

Так, группа «*International Courts and Tribunals*» организовала гибридный семинар по теме «Судебные разбирательства сквозь призму общественных интересов: какова роль международных судов и трибуналов?». Участники — 6 докладчиков профессоров ведущих университетов (Оксфордского, Лондонского, Лейденского, Гентского, Амстердамского, Ливанского и др.) обсудили юридические барьеры в проведении судебных разбирательств и ряд потенциальных рисков и выгод для общественных интересов в практике международных судов и трибуналов (в частности, нарушения в ходе судебных тяжб норм *erga omnes*; практика разрешения дел об изменении климата в Международном суде ООН; продвижение общественных интересов в консультативных заключениях).

Группа «*International Economic Law*» провела семинар на тему «Международное экономическое право в процессе разработки: новые акторы и политика», программа которого охватывала проблемы европейского и международного инвестиционного и торгового права (обзор торговой политики ЕС-2 до 2021 г.), управление цифровой экономикой и международным экономическим правом (в частности, криптовалюта как защищенная инвестиция в соответствии с инвестиционными соглашениями; цифровой государственный капитализм: теоретико-игровая перспектива глобального управления данными; нормативные подходы к кибербезопасности посредством защиты данных), методологический плюрализм и будущее международного экономического права (в том числе феминистский подход к интерпретации ВТО соглашения, системная интеграция как гендерный вопрос, проблематичность корпоративной социальной ответственности).

Группа «*International Law of Culture*» посвятила свой семинар методологии преподавания, исследования и практики международного права культуры, которая зависит от разнообразия акторов культурной жизни, участвующих в международном нормотворчестве, от их профессиональных оценок и доказательств как аналитиков, имеющих различное образование, практику и эрудицию, а также от культурологической экспертизы текстов на основе междисциплинарного подхода, включающего в себя аспекты социальной антропологии, социологии, политологии, международных отношений, а также (*critical*) *heritage studies* и *development studies*.

Рабочая группа по международному экологическому праву уделила особое внимание глобальным усилиям по обеспечению долгосрочной устойчивости космической среды в контексте коммерциализации внешнего космического пространства. В рамках этого семинара приняли участие с докладом российские ученые-эксперты: вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам ЭКОСОС ООН, профессор, д-р юрид. наук А.Х. Абашидзе и

³ Всего в ассоциации 20 таких групп — Interest Groups. Режим доступа: <https://esil-sedi.eu/interest-groups/> (дата обращения: 01.12.2021).

доцент Юридического института РУДН, канд. юрид. наук И.А. Черных, которые посвятили свое выступление анализу принятой Генеральной Ассамблеей ООН «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в том числе регулирование процедур проведения исследований, разработки и использования космических ресурсов, а также указали на ряд правовых проблем, возникающих при рассмотрении вопроса о минировании на Луне и других небесных телах⁴.

В ходе совместного семинара двух рабочих групп «*Migration and Refugee Law*» и «*International Criminal Justice*» обсуждались проблемы развития принципа недопущения принудительного возвращения (*Non-refoulement's Positive Obligations*) и роль новых типов международного нормотворчества, которые ограничивают этот основополагающий принцип международного беженского права, согласно которому беженцы и ищущие убежища лица не могут быть переданы или высланы для преследования государством, под чьей юрисдикцией они находятся; горячо обсуждалась роль дипломатических заверений в запрете высылки.

Другой совместный семинар групп по международным организациям и международному праву здравоохранения был связан с проблематикой проактивного нормотворчества международных организаций (“*Smart*” *Power*) в условиях пандемии COVID-19 путем создания норм мягкого права и экспертных заключений (*International Law-making by Expertise*), как нового типа международной регуляторики в контексте взаимодействия области научных знаний и экспертных мнений с международной адьюдикацией по торговым вопросам, усиления международного институционального права в результате ограничений на импорт и экспорт медицинских товаров и антиковидных вакцин, а также введения мер по поддержанию общественного здравоохранения и др., что приводит нередко к увеличению дефицита легитимности ответных мер экспертного реагирования на пандемию (*expert-led law-making practices*).

В рамках данной Конференции также провели свои первые заседания недавно созданные рабочие группы. Так, группа по вопросам европейского и международного верховенства права обсуждала на своем стартовом собрании актуальность, задачи и подходы европейских и международных исследователей по вопросам *Rule of Law* в предстоящем десятилетии, включая взаимосвязь с пандемией COVID-19 и проблемой соблюдения режима законности. Другая молодая группа “*International Law and Technology*”, созданная лишь в 2020 г., посвятила свои дебаты вопросам защищенности прав человека на платформах больших данных (*Global Data Law*), особенностям процедуры юридической экспертизы и машинного перевода международно-правовых текстов, значению ИИ в международном частном праве и др. Эксперты пришли к выводу об определенной цифровой перекалибровке современного международного права, которое приобретает черты большей детализации, гибкости и автоматизации, развиваясь на основе

⁴ См. подробнее: Абашидзе А.Х., Черных И.А. Обеспечение долгосрочной устойчивости космической деятельности и предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве // Государство и право. 2020. № 4. С. 125—133.

новых технологий от гиперформализма к гиперфактуализму (*Rebooting International Law*).

Основные конференционные дни ESIL в Стокгольме (8—11 сентября) были распределены в виде заседаний на 8 тематических площадках — «*Forum*» и 12 специализированных собраниях — «*Agorae*».

Участники «форумов» рассмотрели такие общетеоретические аспекты международного правотворчества, как: деформализация международного права; правотворчество негосударственных субъектов; изменения в применении норм международного права на местных (локальных) уровнях; международное правотворчество «снизу»; легитимность и рациональность международного правотворчества; методы изучения функционирования международного права; технология международного правотворчества и изменения в правотворческих процессах. Далее передадим краткое содержание дискуссией и основные результаты тематических площадок.

Так, в рамках *Форума 1 «Деформализация международного права»* обсуждался феномен «демократической Вестфалии», возникновение которого восходит к середине XX века⁵, когда была выдвинута идея о том, что вовлеченные в правотворчество государства — это всегда демократические режимы, придающие своим правотворчеством демократическую легитимность всему международному праву, т.к. представляют его источники на утверждение национальным парламентам⁶. Однако с тех пор количество норм, которые сопутствуют формальному процессу создания международных договоров, существенно возросло. Объяснить это можно по-разному: межправительственный процесс согласования слишком медленный и неэффективный; не хватает более гибких норм, которые смогут адаптироваться под местные условия и локальные запросы; субъекты нормотворческого процесса не доверяют политическим лидерам, считая их неспособными создавать «правильные» нормы; к процессу не привлекаются с необходимостью иные «заинтересованные лица».

Постепенное включение междисциплинарной методологии и компонентов общественных наук в сферу позитивного международного права привело к развитию «мягкого права» и появлению подвижной шкалы нормативности на международном и национальном уровнях. Некоторые ранее значимые положения и ценности в современном формальном праве утрачивают свою важность: 1) эпистемологические (знать, что обязательно к исполнению); 2) нормативные (обеспечивать законную власть посредством согласия государства); 3) правоведческие (снять границы с предмета нашего изучения). Возникает дилемма о признании необязательного права, которое имеет определение полноценного права с точки зрения социологии и нередко становится равным ему по важности. Собственно «политические нормы» иногда более значимы, чем некоторые игнорируемые «жесткие» нормы права. Возникает вопрос, можно неформальные нормы в контексте статьи 38 Статута Международного суда ООН встроить

⁵ *Navari C.* States and State Systems: Democratic, Westphalian or Both? *Review of International Studies*. 2007. 33 (4), 577—595.

⁶ *Franck Th.M.* Legitimacy in the International System. *American Journal of International Law*. 1988. 82. P. 705.

в знакомые категории и понятия, такие как «*opinio juris*», «практика государств», «последующая практика» и др. Так, «необязательные к исполнению декларации» прямо упоминаются в праве международных договоров, и призваны дополнять неоднозначные термины в текстах международных договоров.

Описывает ли термин «мягкое право» что-нибудь еще кроме того факта, что такие документы не имеют юридически обязательного характера? Следует ли относить такие документы, как например, Всеобщая декларация прав человека, к каким-то особым категориям или сложить такие источники в тот же самый ящик, где находятся среди прочего различные рейтинги и индексы, в частности, Индекс восприятия коррупции «Transparency International» или доклад Всемирного банка «Ведение бизнеса», так как все подобные документы имеют нравоучительный или даже дисциплинирующий эффект. В контексте нормативных нововведений на международном уровне, хотя они и не являются нормами договорного права, возникает проблема поддержания рациональности «мягкого права» и получения согласия от государств на подчинение ему, обеспечения в таком случае внутригосударственной законности при соблюдении конституционной системы сдержек и противовесов.

В ходе обсуждения на *Форуме 2 «Правотворчество, осуществляемое негосударственными субъектами»* выступавшие с сообщениями докладчики обращали внимание на концепт «демократической легитимности» международного права в условиях, когда оно оказывает влияние через транснациональные процессы принятия решений, в которых принимают участие негосударственные субъекты. В то время как на национальном уровне идеалам демократии угрожает политика авторитарных правительств, структурные условия существования «Демократической Вестфалии» также подвергаются лоббистскому давлению и растущему влиянию «хозяев» субъектов нормотворческого процесса, которые в свою очередь тоже выступают как негосударственные акторы, прямо оппонирующие национальным правительствам. Участники форума задавались разными вопросами по этому поводу: кто эти субъекты, каковы их роль и статус в международном правотворчестве, что именно делает их легитимными — квалификация, прогосударственный интерес или сама суть процесса принятия решений, и т.п. До какой степени негосударственные субъекты находятся под контролем государства или прямо им поощряются? Обсуждалась данная проблема на примере «Международной федерации бухгалтеров» (*International Federation of Accountants*): чьи и какие именно интересы преследуют члены этого негосударственного субъекта, осуществляющего свою деятельность в 135 странах с разными правовыми системами и успешно внедряющего свои стандарты этики, аудита, образования и бухучета в общественном секторе (*International Standards on Auditing — ISA*) как международные стандарты во многих странах мира⁷.

Аналогичная проблема возникает при установлении юридической природы и правового режима многочисленных отношений и сложного взаимодействия, складывающегося между абсолютно разными организациями, такими как ООН,

⁷ Сайт МФБ с перечнем стандартов. Режим доступа: <https://www.ifac.org/supporting-international-standards> (дата обращения: 02.12.2021).

Международный союз электросвязи, Министерство торговли США и «Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами» (ICANN), а также с другими участниками управления сетью Интернет. Остается непрозрачной процедура легализации в деловой практике национальных, интернациональных и транснациональных кодексов поведения в таких сферах, как ведение бизнеса, права человека и охрана природных ресурсов, и соответствующего признания профильных субъектов регулирования (например, Лесной попечительский совет, Морской попечительский совет и др.).

Другая сторона правотворчества негосударственных субъектов связана с так называемыми «экспертными кодификациями», осуществляемыми, например, Международным комитетом Красного Креста в международном гуманитарном праве и т.п. Вызывает вопрос участие в этом процессе наряду с правительственными экспертами также академиков, ученых и негосударственных экспертов, делегированных от МККК и других организаций.

Наконец, участники данной сессии обсудили проблему применения на практике соглашений с интернет-пользователями, которые заключают большие компании, имеющие монополию или доминирующее положение в оказании услуг в глобальном масштабе, такие как Google, Facebook, PayPal, SWIFT и др. Было показано, что подобные соглашения, будучи изначально по своей природе частными договорами, трансформируются в (псевдо)государственные и даже международные предписания. Остается открытым вопрос, в чем разница между государственными и частными нормативными регуляциями, каков правовой статус и миссия нормотворческих регуляторов в межгосударственном общении.

Участники *Форума 3 «Изменения в применении норм международного права на местных уровнях»* поставили задачу уяснить, как международные нормы встраиваются во внутригосударственные правовые системы, а само международное право становится не просто глобальным, а также региональным и местным, ведь оно применяется на национальных уровнях и подстраивается под местные условия. Было отмечено, что немалая часть современного международного права вводится в действие не через парламентские процедуры или органы исполнительной власти, а через частных и субгосударственных субъектов, которые черпают предписания из различных источников — от формальных решений международных органов до неформальных норм негосударственных субъектов. Так, на формирование национальных норм и их применение на практике оказывают влияние такие межправительственные необязательные к исполнению соглашения и политические обязательства, как те, которые были взяты в рамках ОБСЕ (например, по защите меньшинств) или G20 (например, по финансовой стабильности). В качестве примера также приводились неформальные «международные памятки» как руководства к применению (*international handbooks*), наподобие «Парламентской памятки ООН по целям устойчивого развития» или памятки неправительственных организаций по введению в действие Римского статута МУС⁸.

⁸ Например, Coalition for the International Criminal Court, The International Center for Transitional Justice, и др.

Необязательные стандарты регуляторных сетей, в частности, Банковские принципы корпоративного управления от «Базельского комитета», также вводятся в законодательства стран и в корпоративное управление банков. Исследовалось также влияние руководящих принципов и стандартов межправительственных организаций, таких как Руководящие принципы Контртеррористического комитета ООН касательно иностранных террористов⁹, Временное руководство ВОЗ по управлению рисками, связанными с пандемией гриппа¹⁰, Руководство по общей рекомендации к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин № 30¹¹. Другое направление дискуссии было связано с анализом отчетов межгосударственных надзорных органов в их приложении к решениям субъектов национальных и местных уровней, например, воздействие отчетов и докладов Комитета по правам ребенка¹² на национальные парламенты государств-участников или деятельность местных советов по благосостоянию детей. Такое же внимание привлекают решения международных судов и судов иностранных государств, с точки зрения степени их влияния на внутригосударственные суды. В частности, изучается воздействие практики Международного уголовного суда в свете принципа комплементарности и группы неприсоединившихся стран (Китай, Россия, Индия, США и др.)¹³. Могут ли в целом межправительственные организации или негосударственные субъекты помогать воплощать в жизнь на уровне внутригосударственного права положения международного гуманитарного права (например, организация «Geneva Call»), различные стандарты корпоративной социальной ответственности и природоохранные нормы (в частности, организации «Морской попечительский совет» и «Лесной попечительский совет»)?

В рамках Форума 4 «Международное правотворчество “снизу”» обсуждалась проблема международного правогенеза на местном уровне, ведь универсальное — это всегда универсализированное конкретное. Так, местные группы лоббируют свои интересы в национальном правительстве, подталкивая частных лиц, предпринимательские сети и социальные группы подавать жалобы в международные органы. Главными двигателями международного нормотворческого процесса нередко выступают местные активисты, глобальные сети гражданского общества, внутригосударственные ведомства, иные национальные и

⁹ В 2015 г. на заседании КТК был составлен Свод из 35 руководящих принципов в отношении иностранных боевиков-террористов (Мадридские руководящие принципы) (S/2015/939, приложение II).

¹⁰ Pandemic Influenza Risk Management (2017). Режим доступа: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/communicable-diseases/influenza/publications/2017/pandemic-influenza-risk-management-2017> (дата обращения: 01.12.2021).

¹¹ The Guidebook on CEDAW general recommendation No. 30 and the UN Security Council resolutions on women, peace and security. Режим доступа: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2015/8/guidebook-cedawgeneralrecommendation30-womenpeacesecurity> (дата обращения: 03.12.2021).

¹² Комитет по правам ребенка (при УВКПЧ) является органом из 18 независимых экспертов, наблюдающих за выполнением государствами-участниками Конвенции ООН о правах ребенка. Режим доступа: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/CRC/Pages/Membership.aspx>

¹³ Zhu Dan. China, the International Criminal Court, and Global Governance. Australian Journal of International Affairs. 2019. 73. P. 1—24; Abashidze A., Trikoz E. The ICC Statute and the Ratification Saga in the States of the Commonwealth of Independent States. International Humanitarian Law Series. 2009. Vol. 19. С. 1105—1110; Трикоз Е.Н. Перспективы присоединения Российской Федерации к Римскому Статуту Международного уголовного суда // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 130—138.

субнациональные органы. В дискуссии рассматривалась проблема учета корпоративных и гражданско-общественных интересов в практике государств, правотворческом процессе, международных переговорах (например, в переговорах по Международному соглашению по морскому биологическому разнообразию за пределами национальных юрисдикций). Такие интересы могут отражать глобальные коалиции неправительственных организаций, специализирующиеся в сфере разоружения и в международном конституционном праве, либо национальное и международное бизнес-лобби, влияющее на правотворчество в области экономики и окружающей среды. В свою очередь в подобной роли могут выступать даже национальные суды, как, например, в случае с развернувшимися сейчас во многих странах судебными разбирательствами по делам об изменении климата, которые очевидно влияют на международно-правовой режим изменения климата.

Участники *Форума 5 «Легитимность и рациональность международного правотворчества»* обсудили разные интерпретации концепции легитимного правительства, а именно каким образом демократическое управление и верховенство права базируются на разделении ветвей власти. Воздействие норм из различных источников происхождения, в том числе наплыв неформальных норм и стандартов, требует поддержания рациональности и целостности внутригосударственной правовой системы, минимизации противоречий в различных предписаниях. Тем более, когда многие из таких норм принимаются недемократическим и неподотчетным законодательным или исполнительным органом власти, что размывает легитимность верховенства права и конституционный баланс в стране. Было подчеркнуто, что легитимность в нормативном смысле является сама по себе важным благом современного межгосударственного нормотворчества, а ее недостаток следует рассматривать в качестве фактора, сигнализирующего о неэффективности функционирования норм.

В рамках *Форума 6 «Методы изучения функционирования международного права»* участники заинтересовано обсуждали методологические аспекты изучения юристами-международниками процессов доместикации во внутригосударственном праве и трансформации на различных международных и внутригосударственных площадках международных рекомендаций¹⁴. В частности, речь может идти о предписаниях ВОЗ в сфере контроля за пандемиями, или же норм международного права прав человека в сфере доступного здравоохранения и психической целостности, а также предписаний в сфере борьбы со СПИДом, норм международного патентного права в контексте оборота лекарства, и др. В ситуации коллизий правовых режимов и формирования «живого права» актуальны именно междисциплинарные подходы, методы и парадигмы других наук, например, в коллаборации со специалистами внутригосударственного права, социологами и теоретиками международных отношений, антропологами, экономистами, политологами и др.¹⁵

Дискуссия на *Форуме 7 «Технология правотворчества и изменения в правотворческих процессах»* развернулась вокруг оценки влияния технологических

¹⁴ *Guzman A.* How International Law Works: Introduction. *International Theory*. 2009. 1 (2), 285—293.

¹⁵ *Bianchi A.* *International Law Theories: An Inquiry into Different Ways of Thinking*. 2016.

изменений на международное право, в особенности для территориально замкнутых юрисдикций и в сфере управления в международном публичном праве. Проанализировано воздействие цифровой революции на форму и содержание международного правотворчества. Затронуты международно-правовые аспекты цифрового обмена информацией и проведения финансовых сделок между разными юрисдикциями, проблема защиты суверенитета в киберпространстве и выделения юрисдикций в цифровом обществе, которое с точки зрения международного права рассматривается как не имеющее границ. В целом, отмечается, что цифровая революция демократизировала правотворческие процессы в международном праве, и общественность стала активнее участвовать в принятии международно значимых решений.

При обсуждении в рамках *Форума 8 «Текущее правотворчество в постпандемийном мире: как COVID-19 изменил правила игры»* его участники попытались показать несколько этапов изменения базовой архитектуры международной правовой системы, отреагировавшей на новые угрозы и кризисные явления. Первый этап кризиса был связан с террористическими угрозами негосударственных субъектов, начиная с трагедии 11 сентября, что вызвало институциональные изменения в форме усиленного исполнительного правотворчества СБ ООН и подчиненных ему органов, расширение полномочий существующих органов от НАТО до Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, появление новых интерпретаций с целью расширения военной парадигмы и перенастройки баланса между интересами безопасности и правами частных лиц. На втором этапе кризисной волны в результате финансовых потрясений 2008 г. были введены новые стандарты Базельского комитета по банковскому надзору, усилено неформальное финансовое и экономическое управление Большой двадцатки и реформирован Совет по финансовой стабильности. Это подхлестнуло дальнейшую фрагментацию норм и полномочий, которая стала определяющей чертой международного экономического права. Третий этап кризиса международного правотворчества и функционирования международных регуляторов был связан с пандемией COVID-19, которая продемонстрировала глобальную нехватку необходимых товаров, от масок до наночастиц для мРНК-вакцин, вызвала цепные реакции в сфере глобальной экономики, усилила глобальное неравенство и бедность. Эти последствия и другие факторы пандемийной реальности высветили значимость идей надгосударственной организации и постнационального суверенитета. Важное значение для международного правотворчества мог бы иметь выдвинутый председателем Европейского совета ЕС на специальной сессии ГА ООН в декабре 2020 г. проект международного договора по пандемиям (*International Treaty on Pandemics*)¹⁶, который хотя и был впоследствии поддержан 26 главами государств-членов и гендиректором ВОЗ ООН, в то же время воспринят в глобальном сообществе в целом скептически.

Наряду с общими публичными площадками форумов в рамках Конференции ESIL прошли заседания *12 тематических агор*. Здесь выступали заранее

¹⁶ Проект международного договора по пандемии. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/12/03/press-release-by-president-charles-michel-on-an-international-treaty-on-pandemics/#> (дата обращения: 25.10.2021).

отобранные докладчики с результатами своих инновационных исследований по актуальным аспектам и отраслевым проблемам международного права сквозь призму нормотворческого процесса.

На *Агоре 1 «Океанический порядок и изменения в правотворчестве»* обсуждалась перспектива возможного обновления действующей уже более четверти века Конвенции ООН по морскому праву, которая в качестве своеобразной «конституции» регулирует различные аспекты управления океанами, но не допускает гибкости в сфере правотворчества по этим вопросам. Участники дискуссии подчеркнули «унифицированный» характер морской конвенции и исключительную важность сохранения ее целостности, определенные риски расширенного толкования отдельных частей «пакета соглашений», зафиксированных в конвенции. В частности, этому были посвящены доклады Грегора Новака (Йельская школа права) «Читая волны: преемственность и изменения в правотворчестве по вопросам океана», и Пьера Тевенена (Тартуский университет) «Назад в будущее: уроки переговоров по морскому праву (1967—1982), защита неэффективности и сложности международного нормотворчества». В случае принятия новых «исполнительных соглашений» и перспективы инновационных толкований Конвенции появится возможность дальнейшего развития этого правового документа. Также было уделено внимание влиянию на развитие морского права практики Международного трибунала по морскому праву, Международного суда ООН, арбитражных судов. Этот аспект затронут в выступлении Марии Эстер Саламанки (Университет Вальядолида) по теме «Изменения в режиме глубоководной разработки морского дна Международным органом по морскому дну».

На *Агоре 2 «Устойчивое развитие и изменения в правотворчестве»* было уделено внимание процессу постепенного расширения концепции устойчивого развития с начала 1990-х гг. Сфера естественной окружающей среды и использования природных ресурсов всегда оставалась ключевой с момента разработки «Повестки дня до 2030 года» (Agenda 2030) и Целей устойчивого развития от ООН. Участники агоры попытались оценить текущую нормативную силу Концепции устойчивого развития и роль Agenda-2030 в интеграции разных сфер международного права и политики. Станет ли изменение климата в свете надвигающейся климатической катастрофы доминирующим аспектом в правотворчестве? Джей Эллис из Университета Макгилла посвятила свое выступление введению нормативности в ЦУР и развитию международного права в «эпоху метрик». Важной проблемой остается развитие права в сфере устойчивого развития на основе частных инициатив и публично-частного партнерства, включая схемы экологического аудита, экологической маркировки и экологической сертификации. Об этом говорила Ева ван дер Зи (Гамбургский университет) на тему «Как достичь разумного сочетания требований государственной и частной должной осмотрительности в рамках ЦУР» (анализ на основе теории мотивационного краундинга).

Во время обсуждения на *Агоре 3 «Международная безопасность и изменения в правотворчестве»* было подчеркнуто, что концепции вооруженного нападения, вооруженного конфликта и угрозы международной безопасности теперь интерпретируются так, что государства имеют больше возможностей

противодействовать таким угрозам, как международный терроризм. Вследствие расширения практики государств по использованию во имя безопасности экстраординарных мер (как военных, так и невоенных), государства и другие субъекты разработали целый набор сопутствующих норм по вопросам миграции, электронного наблюдения и даже космических исследований. В выступлении Цветелины ван Бентем (Оксфордский университет) были затронуты вопросы нормотворчества в группе правительственных экспертов по автономным системам смертоносного оружия. Отдельного внимания удостоилась проблема нормативного влияния участия СБ ООН в различных нетрадиционных вопросах безопасности, таких как изменение климата и др. Инициированные МККК и другими организациями процессы по гуманизации международного гуманитарного права позволили выделить долгосрочные тенденции, ведущие к импортированию прав человека и экологических проблем в право вооруженных конфликтов. Йоханна Фриман (Университет Або Академи) выступила по проблеме «Теневое законотворчество в сфере безопасности человека». При этом ряд участников полагают, что в ситуации укрепления роли различных негосударственных субъектов (межправительственных, неправительственных организаций, научного сообщества) в развитии МГП государства пытаются вернуть себе контроль, в частности, через национальное законодательство, определяющее правила ведения войны.

На *Агоре 4 «Права частных лиц и изменения в правотворчестве»* было указано, что внедрение законодательства об индивидуальных правах человека в новые сферы зашло слишком далеко. Как было отмечено в выступлении Фрейи Баэтенс (Университет Осло), когда-нибудь должен закончиться «век личности», и государства устремятся к коллективным правам в международном нормотворчестве. В результате появляется критика, указывающая на то, что режим прав человека не смог эффективно противостоять неравенству и бедности. Возможно даже, что ЕСПЧ и другие правозащитные структуры оставляют слишком мало пространства для национальных законодательных органов. Не выносят ли суды решения чаще в пользу государств с «правильными правительствами»? Не занимаются ли региональные организации, от Совета Европы до Шанхайской организации сотрудничества, правотворчеством, исходя из мнения, что они кодифицируют глобальные и региональные концепции прав? На это обратил внимание докладчик Фредерик Коуэлл (Лондонский университет), определив «универсальный периодический обзор» как форму законотворчества, и остановившись на понимании диалоговых процессов в сфере права прав человека. В перспективе возможно проекты мягкого права по созданию (или развитию) права человека на мир или на чистую окружающую среду станут «жестким правом».

Сегодня сформировалось очевидное изобилие необязательных к исполнению экспертных утверждений и мнений от лица органов, учрежденных на основе международных договоров в отношении прав человека, или от лица экспертов Совета по правам человека и рабочих групп. По мнению докладчика Нины Райнерс (Потсдамский университет), транснациональные законодательные коалиции все чаще выступают за развитие права прав человека. В такой обстановке национальные государства должны быть готовы начать регулировать бизнес и права человека, вплоть до заключения соответствующего международного

договора, который безусловно повлияют на практику негосударственного нормотворчества в этой сфере.

Следующая *Агора 5 «Глобальная экономика и изменения в правотворчестве»* была посвящена прежде всего хорошо разработанному, но негибкому режиму, установленному ВТО в сфере торговли. Международные инвестиции регулируются более чем 3 тыс. двусторонних договоров по инвестициям. Многостороннее регулирование частных финансовых потоков осуществляется посредством мягкого права (хотя и при некотором контроле со стороны Совета по финансовой стабильности Большой двадцатки), в то время как государственным финансированием управляют в различных формах, включая международные финансовые институты (Всемирный банк, МВФ, международные финансовые организации). Докладчик из Парижского университета II Пантеон-Ассас Катарина Титчи проанализировала практику «Рабочей группы III ЮНСИТРАЛ» сквозь призму нового многостороннего подхода (взгляд из переговорной площадки). Все больше торговых соглашений — двусторонних, региональных и «мегарегиональных» — имеют тенденцию касаться вопросов, лежащих за пределами торговли, таких как инвестиции, рабочая сила, интеллектуальная собственность и окружающая среда. В докладе Стефани Шашерер (Национальный университет Сингапура) были освещены аспекты регулятивной интеграции через мегарегиональные отношения, как новые вызовы для глобального экономического управления. Это может привести к непоследовательному развитию международного экономического права и даже разделению глобального экономического порядка по географическому признаку. Хольгер Хестермейер, из Королевского колледжа Лондона, выступила с призывом к гибкости через меморандумы о взаимопонимании и неформальное законотворчество в международном экономическом праве. Следует стремиться к тому, чтобы экономическое правотворчество в судах и законодательных органах все больше учитывало права человека, состояние окружающей среды и другие неэкономические проблемы. Политические соображения в регулировании экономики играют нарастающую роль, например, этим аспектом проникнуты взаимоотношения США с китайскими технологическими компаниями, или другой пример — вторичные санкции США по отношению к Ирану.

В рамках *Агоры 6 «Транснациональные/международные преступления и изменения в правотворчестве»* была затронута дилемма разграничения универсальных международных преступлений и «транснациональных преступлений». Если первые подпадают под универсальную юрисдикцию и рассматриваются в международных судах, то транснациональные преступления остаются в рамках национальной юрисдикции.

Так, Специальному суду по Сьерра-Леоне и Специальному суду по Косово подсудны некоторые общеуголовные преступления, и недавно прозвучали призывы найти международную юрисдикцию для террористов ИГИЛ. Возможно в будущем объединение сфер международной преступности и транснациональных преступлений посредством объединения сути этих преступлений и расширения юрисдикций международных и гибридных судов. Фульвия Стаяно из Университета Джустино Фортунато в своем выступлении обратила внимание на

осуществление экстерриториальной юрисдикции в отношении транснациональных преступлений в свете общих принципов международного права. Однако пока прецедентное право, вытекающее из международных и иностранных внутренних юрисдикций, по-разному влияет на внутригосударственное право. Флориан Йесбергер и Леони Штайнл (Университет Гумбольдта) посвятили свой доклад проблеме стратегических судебных сетей и их влиянию на государственно-ориентированную систему международного уголовного правосудия.

Международное сообщество накладывает на государства договорные обязательства, по которым они должны принимать определенные законы и меры на национальном уровне, учитывая их при своих контактах с другими государствами. В докладе Патрика Лабуды (Школа Флетчера по праву и дипломатии) была проанализирована практика гибридизации и децентрализации международного уголовного правосудия в Африке. На самом деле государства чаще склонны вводить общие принципы международного уголовного права (способы участия, защиты и т.п.), нежели общие принципы, касающиеся транснациональных преступлений. В то время как в реальности транснациональные и международные преступления нередко совершаются в одном и том же контексте и одними и теми же субъектами.

Участники *Агоры 7 «Киберпространство и изменения в правотворчестве»* исходили из того, что вообще все виды деятельности в киберпространстве прямо касаются вопросов национальной и человеческой безопасности, целостности личности, экономического могущества государств и т.п. Интернет содержит в себе реальный государственный интерес, однако как и другие элементы киберпространства он в основном регулируется частными субъектами (владельцами инфраструктуры, провайдерами интернет-услуг, а также платформами типа Facebook). Докладчик Густаво Прието (Гентский университет) показал роль цифровых инфраструктур блокчейнов во взаимосвязи с изменениями в международном нормотворчестве, что требует продолжать поиск баланса между контролем, конфиденциальностью и инновациями.

Сегодня безопасность — это общий интерес правительств и частных субъектов. Компания Microsoft для регулирования киберпространства даже предложила принять «Цифровую женевскую конвенцию». Нередко нормотворческая деятельность в сфере киберпространства осуществляется монополистическими и олигархическими частными субъектами (в частности, Большая технологическая пятерка: Apple, Facebook, Google, Microsoft, Amazon). Формируется блок технического регулирования со стороны негосударственных или гибридных субъектов, как например, установление контроля доменных имен со стороны Корпорации по управлению доменными именами и IP-адресами, или же контроль SWIFT над денежными переводами. Докладчик Гэвин Салливан (Эдинбургская школа права) обратился в своем сообщении к понятию «глобальной инфраструктуры безопасности», ее взаимодействию с международным правом и искусственным интеллектом.

Национальные государства более десяти лет пытаются вернуть себе контроль в вопросах безопасности, хотя, кроме Будапештской конвенции по борьбе с киберпреступностью, глобальные правовые акты мало затрагивают эту

проблему. Пока нет специализированных общеобязательных конвенций по киберпространству, свое влияние оказывают неформальные международные и квазимеждународные кодификации («Галлинское руководство» и др.) и нормативно-экспертные предприятия (Группа правительственных экспертов ООН, Глобальная комиссия по стабильности в киберпространстве и др.). Нормотворчеством в этой сфере продолжают заниматься как отдельные государства, так и группы государств, от Евросоюза и ШОС до Разведывательного альянса «Пять глаз». По мнению участника дискуссии Анны Софии Тидеке (Лейбниц-Институт исследований СМИ), одним из решений проблемы легитимного вакуума в киберпространстве может стать самостоятельная оценка частных лиц. При этом также раздаются призывы создать многостороннюю структуру управления киберпространством, например, путем совместных усилий глобальных организаций, типа ООН и Международного союза электросвязи.

В рамках *Агоры 8 «Международные институты и изменения в правотворчестве»* было отмечено, что действия межправительственных организаций могут составлять последующую практику с точки зрения права международных договоров, а также элементов формирования международного обычного права. Многие межправительственные организации получили делегированные правотворческие полномочия, и создают нормы посредством деклараций мягкого права и других неформальных соглашений. Связанные с международными организациями судебные и квазисудебные органы играют важную роль в толковании, прояснении, развитии и создании нового права. Но согласовывают ли международные суды и трибуналы свою практику между собой, и если да, то на условиях обсуждения между равными или нет? Некоторые воспринимают делегированное правотворчество и прояснение права как обход парламентского контроля. Докладчик Негар Мансури (Высший институт международных исследований в Женеве) сравнила эту практику с метафорой «глобальный Дедал», рассматривая международные бюрократии, надфункциональную власть и мировоззренческие практики.

Межправительственные организации и их секретариаты играют свою неодолеваемую роль в «дефрагментации» права, как и в «соревновании режимов». Например, включен ли в Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер так называемый «Кодекс Алиментариус», как совместный документ ВОЗ ООН и Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. Любой международный институт может рассматривать свои вопросы шире, чем они закреплены в рамках его основной миссии/юрисдикции. Как альтернатива можно стремиться к унификации вне рамок международных организаций, сконцентрированных на конкретных вопросах, а также границ судебных и надзорных органов. По мнению докладчика Маргариты Мелилло (Джорджтаунский университет), переход к мягкому «техническому» нормотворчеству связан с расширением прав и возможностей «экспертных» организаций гражданского общества, что было показано на примере Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака.

В этом ключе ООН может взять на себя первостепенную ответственность за обеспечение последовательности и должного баланса. Этому аспекту посвятила свое сообщение Ханна Биркенкеттер (Университет Гумбольдта)

«Пересмотр международного нормотворчества через всемирную организацию и важность государственной службы ООН».

Дискуссия в контексте *Агоры 9 «Национальные парламенты и изменения в правотворчестве»* развернулась вокруг роли парламентов на фоне практики делегированного законотворчества органов исполнительной власти и создания многих норм на международном уровне. Докладчик Лариса Ван ден Херик (Лейденский университет) посвятила свой обзор голландской консультативной культуре как модели взаимодействия между академическими кругами, национальными парламентами и правительством.

Встречная тенденция связана с особой ролью национальных парламентов на стадии переговоров и затем в имплементации результатов международного сотрудничества. Поэтому на первый план выходят внутригосударственные конституционные нормы, регулирующие законодательное одобрение парламентом. Участники агоры задались вопросом, стоит ли поощрять способность внутригосударственных парламентов влиять на международные нормы, и должны ли законодатели играть более активную и прямую роль в международном правотворчестве. Мэтью Саул (Университет прикладных наук Норвегии) рассказал в своем докладе о специфике процедуры и законодательных процессов в Страсбурге. Докладчица Лена Ример из Свободного университета Берлина попыталась пролить свет на участие парламентариев в неформальном международном нормотворчестве (на основе примера Глобального договора о миграции)¹⁷. В этом ключе стоит напомнить совместную инициативу парламентариев нескольких государств создать Парламентскую ассамблею ООН, а также направленные на активизацию взаимодействия с внутригосударственными парламентариями усилия со стороны Совета Европы, Офиса маленьких государств при Содружестве наций и органов по правам человека при ООН.

В рамках *Агоры 10 «Субнациональное международное правотворчество»* обсуждались вопросы активной позиции органов местного самоуправления при решении глобальных вопросов (проблемы миграции, изменения климата и др.). ООН в своей работе по проблеме изменения климата все чаще подчеркивает значимость местных и региональных уровней. Города, муниципалитеты, регионы и другие местные субъекты все чаще считают, что им нужно обращаться к международному праву вне зависимости желаний своих государств. Таковы, например, недавнее решение американского штата Калифорния соблюдать условия Парижского соглашения, или же призыв Барселоны и Парижа просить убежища, либо решение шведских муниципалитетов следовать конвенциям о правах человека. Докладчик Маша Кович Дине (Университет Любляны) задалась вопросом, могут ли города способствовать международному нормотворчеству в области изменения климата.

Участники обсуждения также отметили, что субнациональные образования начинают играть заметную роль в правотворчестве или вступать в международные отношения, независимые от внешних отношений своих государств. Но могут ли субнациональные субъекты присоединяться к международным соглашениям?

¹⁷ Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration. Режим доступа: <https://www.iom.int/global-compact-migration> (дата обращения: 11.11.2021).

Так, созданный в 2015 г. «глобальный парламент мэров» способствует коллективному принятию решений в городах вне национальных границ. На примере Квебека и Каталонии можно видеть, как провинции участвуют в «парадипломатии» для удовлетворения функциональных потребностей и подтверждения степени своей автономности. В докладе Натали Джонс (Кембриджский университет) было проанализировано участие коренных народов в международном нормотворчестве. По сути субнациональные субъекты способны вносить свой вклад в развитие международного обычного права посредством выражения практики государства и/или через *opinio juris*. Нередко право на местное самоопределение может вступить в потенциальный конфликт со стремлением национальных правительств унифицировать пространство и избежать нежелательной правовой путаницы на местах. Эту проблему частично затронула в своем выступлении Лаура Прат (Королевский колледж Лондона), которая рассмотрела местные референдумы в Латинской Америке, аспекты транснациональной прямой демократии как силы противодействия растущему неравенству на местах.

Заключительная *Агора 11 «Создание международного биомедицинского права»* всесторонне рассмотрела тенденции развития молодой отрасли международного биоправа, включая исторические и теоретические подходы к специфике ее предмета и правовых основ¹⁸. Докладчики проанализировали новые вопросы, такие как правовая регламентация редактирования генов зародышевой линии, право собственности на биоматериал и др. Так, Румяна Йотова из Кембриджского университета рассмотрела создание международного биологического права перед лицом научной неопределенности. Особое внимание было уделено роли ЮНЕСКО и других международных организаций, а также месту международного права прав человека в биомедицинском праве. Докладчики Чаму Куппусвами (Школа права Хартфордшира) и Джессика Алмквист (Лундский университет) рассмотрели международные организации в этом ключе с разных сторон и как творцов, и как нарушителей режима биомедицинского права. Было рассмотрено значение практики негосударственных субъектов, включая экспертов, и необходимость более широкого их участия в нормотворческой деятельности. Людовика Поли из Туринского университета рассмотрела в своем докладе специфическую (конфликтующую и примиряющую) роль научных знаний в развитии международного биоправа. В целом, участники агоры с оптимизмом смотрят на необходимость международного регулирования в биомедицинском праве, оставляя при этом решающую роль за национальным законодателем в регламентации биомедицинских исследований и продвижении международного биоправа.

Перед закрытием Конференции ESIL состоялась заключительная дискуссия всех участников на провокационную тему: «Глобальное право — это конец международного права?». Ключевыми диспутантами выступали профессора из Стокгольмского, Амстердамского, Женевского, Мельбурнского университетов и из Университета Претории.

¹⁸ См., в частности: Гуляева Е.Е., Трикоз Е.Н. Юридические аспекты биоэтики и геномики в странах Латинской Америки // Актуальные проблемы сравнительного правоведения / Contemporary Issues of Comparative Law. Вып. 1 / отв. ред. А.А. Малиновский, Е.Н. Трикоз. М., 2020. С. 42—49; Трикоз Е.Н. Коммуникативная функция формирующейся отрасли биоправа // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов. Воронеж, 2020. С. 106—110.

Традиционная межгосударственная парадигма всегда находилась под более сильным давлением, чем предполагается по «вестфальской модели». Однако перемены и трансформации, рассмотренные на форумах и агорах ESIL, потенциально лучше раскрыли эту парадигму в ее критическом состоянии. В современном ключе были обсуждены глобальные правовые сферы, начиная с международного/глобального конституционного и административного права, и вплоть до рассмотрения проблем правового плюрализма, неформального правотворчества и интересубъектной функциональности. Участники Конференции постоянно задавались принципиальным вопросом о юридической природе современной международной правовой системы, рассматривая ее то как конституционализированную, то как некий «коллаж» с чертами плюрализма и фрагментации, как простое «глобальное право» или же как «международное право плюс», оставляя на будущее разработку всеобъемлющей теории системы. Для одних ученых до сих пор ценен тот факт, что они изучают именно международное право в его уникальности, а не какой-либо правовой гибрид, а другие юристы-международники, напротив, хотят радикальных перемен. Вероятно, вскоре будут найдены ответы на все заявленные ESIL вопросы с целью поиска идентичности международно-правовой дисциплины, что с необходимостью повлияет на процесс ее преподавания и распространение знаний о ней. Следует ли защищать правовой и политический мир суверенных государств, неразрывно связанный с международным правом эпохи постмодерна, или же изучать то, что необязательно является «правом» и тем более «международным», и предложить социологам, политологам и другим специалистам наши сравнительные преимущества как юристов-международников, которые профессионально занимаются также и внутригосударственным правом, могут извлечь пользу из глобальных перспектив и интернациональных воззрений, соткав из этого неповторимый юридический («нормативный») дискурс. Юридизация международных отношений и глобализация права означает, что особый взгляд юристов на суть вещей как никогда востребован, если мы сможем отказаться от традиционных моделей и привычных типов мышления¹⁹.

Закрывая Стокгольмскую конференцию Европейского общества международного права, ее президент Фотини Пазарцис подвела теоретические итоги дискуссий и пригласила к продолжению академического общения в рамках следующей конференции ESIL в г. Утрехт (Нидерланды).

Сведения об авторах:

Абашидзе Аслан Хусейнович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой международного права, юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; Вице-председатель и Докладчик Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

ORCID ID: 0000-0003-4887-9205; ResearcherID: AAR-3439-2021

e-mail: abashidze.rudn@gmail.com

¹⁹ См. об этом: *Brand J. Shapiro's Legality. Journal of Moral Philosophy. 2015. 12, 83-102.*

Гуляева Елена Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации; Российская Федерация, 119021, г. Москва, ул., Остоженка, д. 53/2, строение 1

ORCID ID: 0000-0001-8376-7212; ResearcherID: A-7609-2019

e-mail: gulya-eva@yandex.ru

Трикоз Елена Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, Международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; 119454, Российская Федерация, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 7; доцент кафедры истории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ORCID ID: 0000-0001-7331-480X; ResearcherID (WoS): A-7996-2018

e-mail: alena_trikoz@mail

About the authors:

Aslan Kh. Abashidze — Doctor of Legal Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of International Law, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Vice Chair and Rapporteur of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights

ORCID ID: 0000-0003-4887-9205; ResearcherID: AAR-3439-2021

e-mail: abashidze.rudn@gmail.com

Elena E. Gulyaeva — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of International Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; 53/2-1 Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-8376-7212; ResearcherID: A-7609-2019

e-mail: gulya-eva@yandex.ru

Elena N. Trikoz — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 76 Vernadsky Prospekt, Moscow, 119454, Russian Federation; Associate Professor of the Department of History of Law and State, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0001-7331-480X; ResearcherID (WoS): A-7996-2018

e-mail: alena_trikoz@mail